

Расшифровка интервью

Дата: 17.08.2021

00:00:01

Так, мы начинаем с чего?

00:00:07

С начала.

Я Маргарита Евгеньевна Райхбаум. Родилась я в городе Рыбинске, в Ярославской губернии. Ну, тогда это была область. Ну, в семье кого? Папа был инженер. Папа был инженер. Он окончил Томский политехнический институт и был распределен на в то время один из крупнейших заводов России, Советского Союза, моторный рыбинский завод. Он и сейчас огромный завод, выпускает всю ту же продукцию, моторы. И в то время эти моторы были для авиационной промышленности. К 32 годам он был заместителем главного механика и начальником энергохозяйства завода всего. Вот где-то у меня здесь есть заявление его, где он, — нет, у меня с собой его нет, — где он просил освободить его от одной из должностей, потому что справляться очень было тяжело. Папа вырос в семье, отец у него был физик, доктор наук, завкафедрой физики. Революционер, кстати. Очень много у него... Можно рассказать?

00:01:35

Можно, конечно.

Он окончил, дед мой, отец отца, он кончил в Иркутске гимназию. Гимназия эта считалось лучшей в округе, туда посылали учиться детей из Верхнеудинска, это Улан-Удэ, Красноярска и так далее. Он окончил. Эта гимназия, кстати, вот — это музей наш нынешний. Вот этот наш нынешний музей, я когда внуков своих привожу, завожу их в актовый зал, говорю: «Вот здесь ваш прапрадед получал золотую медаль». Ну вы выбросите, если не надо.

00:02:18

Как его звали, прапрадеда?

Давыд Яковлевич Райхбаум.

00:02:22

А как звали отца?

А отца звали Евгений Давыдович Райхбаум.

00:02:29

Какого года он рождения?

Папа родился в 1905 году. В 1905 году, бабушка в это время кончила в Иркутске медицинское училище, уехала учиться в Петербург на медицинский факультет. Вернулась летом в Иркутск на отдых, пошла гулять в Интендантский парк. Занесло ее что-то. В этом Интендантском парке они с девочками познакомились с Давыдом Яковлевичем Райхбаумом. А он был сослан из Казанского университета. Он окончил школу, поступил в Казанский университет на физмат, вместо того чтобы заниматься науками, занимался революцией, его оттуда выгнали. И сослали в Иркутск, на родину, в Сибирь. Здесь он с бабушкой познакомился, они очень быстро сыграли свадьбу. И в результате родился папа, потом еще трое детей. И еще долго она с ним моталась, бабушка. Его выгнали из... Ну, этот проклятый царский режим, который всех гонял на самом деле, ему разрешили поступить после того, как выгнали из Казанского университета, в Томский университет. В Томском университете он полтора года продержался, опять ничего хорошего не получилось. Опять выгнали его. Он переехал в Красноярск. В Красноярске, значит, его арестовали. На Столбах демонстрацию устраивали, маевку. Ну, и вернулись в Иркутск после всего в очередной раз, и деду разрешили кончить Киевский университет. Он... Тут уже бабушка в свои руки взяла управление, они кончили Киевский университет и после чего вернулись в Иркутск, и дед охолонулся и стал заниматься общественной работой и преподавал физику.

00:04:27

Вопросы сразу. Каких убеждений был дед?

Твердых коммунистических убеждений.

00:04:34

То есть он был большевиком убежденным.

Ну да. Член РСДРП. Он был членом РСДРП. Как моя бабушка говорила, она говорит: «Это мне настолько надоело, что я заставила его выписаться из РСДРП». Выписался он или не выписался, я не знаю, но у меня есть документальные данные, газетные вырезки есть о его героической биографии. Вот в этой семье родился мой отец. Бабушка, дочь сибирского казака Родиона Порфирьевича Васильева. Из села Тулун, из Тулуна. Там она родилась. И вот что меня заставило этим всем заниматься, историей семьи, это от деда, от прапрадеда Родиона Порфирьевича Васильева нам в наследство остались книги, ну уже не говоря о ложечках, чашечках и всё прочее. Нам остались книги. Какие книги? «История России с древнейших времен» Соловьева. Он ее выписывал. «Промышленность и техника» и энциклопедия в 10 томах. Это выписывал мой прапрадед. Жена его была Фекла Трофимовна Казакова. Феклуша наша. Я ее помню. И бабушка, она кончила в 1929 году уже мединститут, а до этого она просто занималась детьми, воспитывала детей, давала им какое-то образование, у нас очень много таких примеров удивительных. Мой папа знал пять языков, дети занимались языками. Бабушка с ними занималась очень. Не взяла ни одной [фотографии]... Вот она, бабушка.

00:06:39

Это я могу вам подать, а пока хочу спросить. А бабушка закончила медицинский институт...

В Иркутске в 1929 году.

00:06:49

Туда принимали женщин?

Нет! В 1929 году советская власть была. Нет. Вот это бабушка. Это казачка тулунская.

00:06:59

Кто справа и кто слева?

Папа. Это его сестра Ольга. В 1905 году в июле месяце родился папа. Ольга родилась в 1907 году.

00:07:14

Можно туда положить, чтобы вам было удобно. У отца было хорошее образование. Языки, всё. Он работал, работал он, по-видимому, с удовольствием, потому что мама говорила, что он на работе задерживался. У них родилось двое детей. Первые два ребенка умерли. Потом в 1936 году родилась я. Радости было очень много. Я родилась 5 июня 1936 года. Ничего не предвещало, что что-то будет плохое. Как мне рассказывала мама, она жила со мной на даче в Рыбинске. Приехала машина. Выгрузили оттуда отца, всё — и всех. Его арестовали. Но мама, я представляю, потому что ей просто невозможно было понять, что произошло. И она... Квартиру осмотрели, всё, что нужно, собрали, а затем их увезли в городскую квартиру. А городская квартира — это трехкомнатная квартира была, где у них была одна комната.

Коммунальная квартира?

00:08:33

Ну конечно. 1937 год. Она приехала туда, приехали. Мама рассказывала, что зашли очень грубо, не разговаривали, ничего, всё перебрали. У них велосипеды были, тогда, наверное, как «Волга» это считалось. И они велосипеды эти забрали, конфисковали. Пластинок очень много было, патефон, что-то там из посуды. В общем, это такие вещи, я уже не помню, мама рассказывала только, я помню, что пластинки, патефон, это забрали. Маму выставили на улицу, квартиру опечатали, и она с мной на руках, совершенно не приспособленная женщина, осталась вот так. Она пошла к тому, к другому, никого, никто ее не пускал. Ехать в Москву уже было поздно. А в Москве жила сестра ее, старшая сестра мамы жила в Москве. Она пошла в кочегарку. И

кочегар ее пустил переночевать. И вот первую ночь она переночевала со мной в кочегарке. Утром она вышла оттуда, но, по-видимому, она зашла, что-то потому что какое-то она заявление оставила или что-то такое, где-то в КГБ или где. И со мной уехала в Москву. В Москве у нее была сестра, у которой муж был один из организаторов Московской горной академии, профессор Ключанский. Он уже сидел. И сестра ей сказала, тетка это мне много раз говорила: «Я ее просила: уезжай немедленно куда угодно». И в это время, представьте, какая трагедия: первая внучка родилась у деда с бабушкой, вот у бабушки и дедушке родилась я — первая внучка. Они в это время выехали к нам, и они ехали поездом в Москву, когда арестовали отца. Они приехали — отца уже нет, и мама живет в Москве. Это было, ну, я представляю, как пережила бабушка, потому что бабушка безумно любила своих детей. Как она это всё пережила — это страшное дело. И они, бабушка, сколько-то времени они побыли. Бабушка ехала, она собиралась по кольцу Золотому проехать, ей хотелось в Углич, хотелось съездить в Ростов Великий и так далее, Новгород. Но тут уже было не до того. Забрали меня и уехали в Иркутск, а мама осталась в Москве. Но мама объясняла это тем, что ей выдали справку о том, что он арестован без конфискации имущества. Ну, с конфискацией имущества и то, что взяли велосипеды, плюнуть надо было и ехать быстрее. Она там жила долго, по-видимому, потому что с лета. У нее 19-го числа день рождения, 19 декабря день рождения, она в 1910 году родилась, 19 декабря. На 19 декабря ее вызвали в Рыбинск для ответа, наверное, на ее заявление. Она, наверное, просила объяснить, что муж не виноват и что просит как-то объяснить, каким образом были конфискованы вещи и всё. Ну, в общем, вот ее рассказ, я не знаю, как он, пойдет или нет, она рассказывала так, что, когда она зашла... Мама моя не могла не наряжаться, она очень любила наряды, и у нее на руке было огромное кольцо с огромным бриллиантом. Это подарок свекрови Надежды Родионовны, казачки тулунской. И она надела на себя всё это, нарядилась и пришла. Когда она зашла к следователю, следователь ей... Она говорит, он всё время смотрел на руку, немножко поговорили, он вскочил и убежал, пришел с какой-то бумажкой и сказал: «Подпишите». Ну, мама, в общем, естественно, подписала, она что угодно подпишет. Ну, такой человек была, не от мира сего. Она подписала эту бумажку, он сказал: «Кольцо снимите». Она сняла это кольцо, он его убрал в стол и объявил ей, что она арестована на пять лет. А потом еще три года. В справках это всё есть. И, в общем, короче говоря, я осталась и без матери, домой она уже не вернулась. И меня привезли в Иркутск, и я жила в Иркутске. С тех пор я всю жизнь живу в Иркутске, это мой город. Мама приезжала сюда, пыталась здесь жить, сказала, жуткий город, холодный, и уехала в свои теплые края. Она жила в Уфе, в Пензе. Пенза их родное место, их там род из Пензы идет, мамин. Ну вот такие вот дела. И потом вернулась мама. Ее арестовали 19 декабря, в день рождения. Вернулась мама в декабре 1945 года. То есть мне было девять лет, девять лет. И вот она вернулась оттуда. Ну, незнакомый человек. Сложно было всё. Вернулась она без права жить в городе Иркутске. Она доехала до второго Иркутска, тогда была станция Иннокентьевская, знаете, есть платформа сейчас? И приехала в город. Ну моментально сыск сработал, ее из Иркутска выселили. И вот она начала мотаться. То на Усолье жила, где-то там работала — опять нельзя. На Солзаводе кем-то работала. То на Солзаводе работала — нельзя, выгнали ее оттуда, то там, в общем, короче говоря, где она только не переработала в окрестностях Иркутска. Ну, сюда она приезжала периодически. Больше всего на Усолье жила. Ну вот что я могу рассказать. Рассказывала мама. Сначала она сидела в Сегеже. Это север, Карелия, там где-то. Сидела там. Рассказывала о женщинах, о взаимоотношениях. Помогали друг другу все, помогали. Вот маминых писем не сохранилось ни одного, а вот дедушка маме писал, дедушка, и вот тут вот три письма. Я думала, два, сегодня стала искать — там три письма. Вот эти письма сохранились. Ну это дед бытовые чисто письма пишет, что было, что как. Ходили мы с дедом гулять по мосту вот по этому всё время. И всё ждали, дедушка всё говорил: «Вот в таком вагончике мама приедет и папа».

В каком? Какой вагончик?

00:16:39

Вагончик? Ну, шли пассажирские вагоны.

Трамвай?

00:16:44

Нет. С моста же видно, поезда идут. Мост, а под ним проходят поезда. Железнодорожные. Он же через железную дорогу, наш мост, идет. Ну вот. Вот на этот мост мы ходили с дедушкой смотреть. Рассказывал, я хорошо запомнила. Потом

их, когда война началась, их, ну вот как мама говорила, гнали. Где-то, по-видимому, ехали, где-то гнали, но шли они очень долго по казахстанским степям. Их поселили в Казахстане около Караганды, Карлаг. В Карлаге была. И там было место... Слушайте, у меня такая память, телефоны помню, а вот такие вещи не помню. 1950-х годов. А вот это вот забыла. Там была... Было место, самое такое гнилое, плохое. Вот она там была. Ложбинка какая-то. Ложбинка.

АЛЖИР?

00:17:58

Нет.

Актюбинский лагерь жен изменников... [Акмолинский лагерь жен изменников Родины]

00:18:00

Нет. Нет. Нет. Ну, в общем, короче говоря, она работала где-то, корову доила. И когда они шли, их не кормили. Люди падали, умирали. И она рассказывала, что они однажды в каком-то месте нашли шампиньоны. Грибы. И вот хорошо помню, что мама, она не мне рассказывала. Кому она рассказывала? Бабушке, наверное, или кому-то рассказывала. Она говорит: «Я их наложила себе за пазуху. Они такие теплые были и такие вкусные». Вот сырые эти грибы шампиньоны они ели. Вот это я помню хорошо, как она рассказывала. Вернулась она в 1949 году, и жизнь, пока это всё не кончилось, пока не разрешили ей официально работать, жить, это очень страшно было, потому что я сама чувствовала. Знаете, я же прожила с бабушкой, с дедушкой вот эти все страшные годы. Но любви было много. Бабушка всегда говорила: «Я так гордилась своим старшим сыном». Но у нее и остальные-то были тоже заслуженные деятели науки, физики все были, доктора. Но она говорит: «Я так гордилась им». Ну, наверное, первый сын всё-таки. И для нее просто это страшная трагедия была, и поэтому внучка, его дочь, поэтому для нее это, наверное, много значило. Когда меня спрашивают, окружающие, отношение ко мне окружающих людей в то время, бабушка очень сильная женщина была, вот она стержнем была в нашей семье. Она никогда в жизни голоса [не повышала]. Я даже не представляю, чтобы бабушка могла крикнуть или что-то сказать. Она вот скажет — и всё перевернется. Удивительно умный человек была. Казак тулунский. Я начала изучать всё это и смотреть. Тулунский казак. За какой ему, зачем это ему нужно? Вот эти книги были. Посылать дочерей своих учиться. Обе дочери, две дочери, две дочери у него что-то кончили, обе вышли замуж очень удачно, у обеих были мужья. [Нрзб] заведовал кафедрой геодезии, у тети Сани муж. Ну, там не было репрессий. И бабушка, по-видимому, какой-то купол, что ли, она опустила, никто мне никогда ни слова не сказал нигде. Я никогда не чувствовала себя ущербной. Никогда. Вот ни отца, ни матери не было, а вот такого не могу сказать ничего.

Вот это бабушка и дедушка по линии отца.

00:21:31

Отца.

А что происходит с бабушкой и дедушкой по линии матери?

00:21:36

По линии матери, значит, дедушка, этот мой дедушка умер в 1944 году, мы с бабушкой вдвоем остались. А тот, те дедушка с бабушкой, у них тоже такая история. У них обоих дворянский род, причем старинный дворянский род, они из Пензенской губернии. Сейчас я в гербовниках всё это нашла, про деда и про то... Дед был, мамин отец, он был начальником железной дороги, такое интересное название — начальник отделений и разъездов Южно-Уральской дороги. И мама моя мне говорила, мы, говорит, жили, у нас свой вагон был. Я думаю: какой свой вагон? И вот пока я сейчас не нашла в документах, что он действительно был начальником отделений, разъездов, он должен был ездить, ну, наверное, семью свою имел право возить, и вот таким вот образом дедушка... Нашла я деда по документам, по памятным книжкам нашла, в интернете. А мать его, его жена Мария Сергеевна Богданова, Тутомина она до этого была, по Пензе, у нее специальность такая, она играла там... И во время революции, когда была голодуха, когда дедушку как не пролетарского происхождения выперли с дороги, убрали с дороги, не дали ему работать, он в то время был начальником станции Уфа, они жили в Уфе, его с работы уволили, и он

мотался. И вот мама рассказывала, нечего, говорит, было есть. Ну, в общем-то, понятно совершенно. И бабушка Мария Сергеевна работала одна. Ну, у них тогда двое детей всего было, еще не образованных, учились еще в школе. Работала одна и работала кем? Она под немое кино играла, тапером была, и ночью домой шла. Говорит, там так страшно было. Но я тоже знаю, я Уфу хорошо знаю, действительно, там мимо озера этого идти. У них ничего такого не было, дома своего не было, и вот этот начальник вокзала, начальник станции Уфа, он снимал квартиру, я в этой квартире бывала много раз, у машиниста. Машинист на железной дороге выстроил себе дом, он, наверное, до сих пор стоит, красавец дом, с балконом, высоченный, двухэтажный, для всей своей семьи. А пока семья еще маленькая была, маленькие дети не подросли, они сдавали эту квартиру. То есть я о чем хочу сказать, что в селе захолустном Тулун, в котором две тысячи жителей, люди покупали Апухтина, Гоголя и всё. Не было темной России-то. Одно еще из того, что я извлекла, мысль какая: не было у них, они там все читали, девушки читали Надсона, и всё у них... Это у меня бабушки [нрзб] удивительная вещь. Мы же знаем, что Россия темная, до 13-го года вообще ничего не росло. Но всегда я всё хорошо учила, помню. А там вот эта бабушка, значит, тулунская крестьянка, которая в основном папу и детей своих вырастила, потому что дед много работал. Я вот сегодня как раз выяснила, нашла документы о том, что бабушкина сестра преподавала в Тулунской губернии. Преподавала еще до замужества, и у нее зарплата была 360 рублей. А пуд муки стоил рубль 30.

Богатая женщина. Очень богатая.

00:25:52

Очень богатая женщина. Дед был директор гимназии у меня. Давыд Яковлевич, отец его, да? Тоже получал, то есть не было той темной России голодной. Не знаю, кто голодал, наверное, кто и работать не хотел. Ну, так. В общем, в тридцать... В 1945 году мама вернулась сюда, и мытарства ее не кончились. И маму, конечно, можно понять, что она до самого конца не поняла, что произошло. Вот честное слово. Она настолько была не от мира сего. Очень тяжело. О папе — ничего абсолютно. Об отце я ничего не слышала. Единственное, где-то бумага есть, там написано, что... А, когда ее арестовали, ей дали бумагу и там написали, что знала о противоправной деятельности». Ну, естественно, на японцев работал, еще там на кого-то. На всех, кого мог. Ну вот, что мать моя знала это и не донесла, за что ее и посадили. А я осталась здесь, в Иркутске. Я еще хотела одну историю рассказать. В 1936 году впервые разрешили елки делать. И это была такая радость, и папа столько наделал игрушек, у меня они далеко завернуты лежат, там остались, самодельные, игрушек же не было. И вот там откуда-то вырезанная головка, к ней воротничок какой-то пришит. Еще что-то такое. И потом флажки, вот такие маленькие флажочки, он эти нарисовал флаги иностранных государств. А на день рождения он пришел домой такой радостный и говорит: «Я купил мишку, медвежонка». И вот этого медвежонка мне подарили на день рождения, мне год был. И знаете, я тоже думаю, что вот я часто встречаюсь с таким, что-то невероятное, где я только не жила, я после этого жила, Иркутск, потом меня мама увозила, я где-то год жила, около года в Москве, потом она меня в Уфу забирала, потом я назад возвращалась, потом в Иркутске меняла квартиры несколько раз, вот всё же выбрасывается и кто-то что-то — вот этот мишка со мной, никуда он не девается. Каким образом он это? Я недавно задумывалась и думаю: ну каким образом? Вот он всегда у меня. Я никогда не думала о том, чтобы его где-то там убрать специально или еще что-то. Нет, он сам, такое впечатление, что он сам упаковывается, сам переезжает. Вот этому мишке 84 года, облез, старый стал, как хозяйка. Но это вот наш мишка. Вот так вот он и живет. Это папин подарок. Я еще говорю, что это единственный мой день рождения, когда мама, папа, я и мишка были вместе. Фотографий очень много у меня детских. Вот они. Это я... Показывать, да? Вот фотография моя. Где-то там еще, я еще брала фотографии. Куда же дела-то? Ну вот. Странно. Фотографий очень много детских. Вот я с мамой, с папой. Фотография моя. Я просто... Я что же, не взяла их, что ли? Вот это мама.

Как маму звали? Фамилия, имя?

00:30:13

Нина Александровна Богданова. Ее девичья фамилия.

Она взяла отцовскую?

- 00:30:18 **Взяла.**
То есть она официально была?..
- 00:30:21 **Была Райхбаум. Да. И вот, между прочим, брак регистрировали 1 апреля 1931 года. Чего их 1 апреля заставило регистрироваться, я не знаю. Ну вот. А вот это вот Надежда Родионовна. Интересная женщина, правда?**
Да. Но мама тоже интересная женщина.
- 00:30:45 **Мама тоже, да. Ну, бабушка тоже красавица. У нее столько красивых фотографий, в таких платьях шикарных, что никак не скажешь, что это из темного Тулуна забитого.**
Я правильно поняла, что мама тоже получила высшее образование?
- 00:31:02 **Моя? Нет. Нет, нет. Она тоже так же, она поступила в горный институт здесь. Вернее, она даже не поступила, она вышла замуж в 19 лет, уехала к нему, ей было 19 лет. Сейчас скажу. Она поступила на подготовительные курсы в наш горный институт и познакомилась с папой. Такой удачный брак. Она уехала туда и больше... Потом папа ее там пытался на курсы иностранных языков устраивать, она что-то учила. Но отцу, по-видимому, легко давались языки, им всем давались легко языки. Родственникам моим.**
Спрошу. По национальности линия отца — кто?
- 00:32:02 **По линии отца — евреи.**
Евреи.
- 00:32:04 **Да.**
И это скрывалось в семье?
- 00:32:06 **Нет. Нет.**
Честно спокойно говорили: «Мы евреи»?
- 00:32:10 **Да. Нет, такой фразы, что вот так говорили «мы евреи», не говорили. Но никогда никто не говорил. Я не слышала. Я тоже никогда не страдала из-за этого.**
Они были кантонистами, приняли православие или соблюдался?..
- 00:32:29 **Православие приняли.**
Кантонисты.
- 00:32:31 **Да. Дед же не мог в брак-то вступить. У него конфликт с родственниками. У него мать умерла, мать умерла. У меня фотографии материны есть, очень хорошие фотографии, отец у него купец первой гильдии был, очень хорошие фотографии. В дорогой фотографии сделаны. У нас такой Милевский был. А родители бабушки, они... 003306 Дед большевик. Исчезает старший сын. Он как-то хлопчет о судьбе сына?**
Хлопчет.

00:33:14

Как?

Он писал. Они писали всё время. Бабушка всегда спрашивала, как же он сумел остаться живым? Дед-то наш. Она разводила руками, потому что окружение-то всё. Родной брат его, который мост вот этот строил, о котором сейчас много написано, кончили его, забрали. Сына забрали. Еще судьба моего папы сказалась на судьбе младшего брата. У него был младший брат, очень умный парнишка, Леонид. Он был радиолюбитель, он фотографировал хорошо, песни, стихи писал. Вот такой мужик. Мы недавно совершенно... Лыкин такой есть, звонит мне и говорит: «Маргарита Евгеньевна, сейчас газеты поднял за 1940 год. Тут же Райхбаум Л.Д. Кто это такой?» Я говорю: «Родственник». Заметка была о том, что выпускные экзамены прошли в Иркутском госуниверситете, с отличием сдал Райхбаум, [нрзб] и еще кто-то. Несколько человек кончили университет с отличием. Он кончил университет в 1940 году. В 1941-м у него 20 мая родилась дочь, 21-го его забрали в армию. В армию взяли и отправили на Дальний Восток. Война еще не началась. А когда началась... Там они учебку какую-то проходили, учились. А когда всё это дело их научили, когда их начали распределять, то Леонида отправили... Не дали ему офицерского звания. Офицерского звания ему не дали. Ольга, его дочь, до сих пор всё время говорит: «Почему так произошло?» Я говорю: «Что ты мне говоришь? Я тебе прямо скажу. Ты на коммунистических твердых позициях стоишь. И правильно было сказано: у тебя брат сидит старший, а ты что, хороший, что ли?» Ну вот, и Леонид погиб на Курской дуге.

00:35:38

Рядовым.

Рядовым. Вот такая история.

00:35:48

Дома на каких-то видных местах были фотографии отца и матери?

Да.

00:35:55

Не убрали их?

Нет. Нет. Причем фотография папы, вот она сейчас, я их как-то убрала со стен, потому что что-то я... А у бабушки так вот папа был и Леонид. Две фотографии висели. К ней заходишь, она плачет. Слезы. Я говорю: «Опять?» — «Нет, нет, нет, ты что? Что ты, что ты, что ты»... Нет. Умерла она, ей было 87 лет. Утром мы пришли с сестрой в больницу к ней, принесли ей «Новый мир», «Звезду», журналы. 87 лет. Вот эти журналы принесли, и принесла ей, только вышла «Над пропастью во ржи», Селинджера. Так эти книги и остались. Мы пришли после обеда, ее уже нет.

00:36:49

Когда она узнала о судьбе сына своего?

Когда приехала в Москву. Они приехали в Москву, их встретила, там жила его дочь, их дочь Ольга, вот эта вот. Она их встретила на вокзале и сказала. Я не знаю, как вообще, я знаю бабушку, как она пережила это, это страшная вещь. Вот мама, я говорю, что она... То, что она там увидела, и, наверное, то, что я не слышала в рассказах, потому что она рассказывала... Это страшное дело. Бабушка, я не знаю, как.

00:37:35

Бабушка приехала в Москву, чтобы хлопотать за сына?

Нет, они ехали, я говорю, они хотели посмотреть, прежде всего, они ехали в внучку смотреть. А потом они хотели поехать в Новгород, в Углич, ей больше всего в Углич хотелось. В Углич, Ростов Великий, то есть нынешнее Золотое Кольцо.

00:38:03

Она узнала, что сын арестован?

Да, на вокзале, когда Ольга ее встретила.

00:38:08

Когда бабушка узнала, что сына больше нет, что его [нрзб]...

Ну, никто, мы больше ни слова не знали. Никто ничего не сообщал. Никто ничего не сообщал, никто. Просто всё...

00:38:26

Исчез?

Исчез. Ну, так же все, наверное, исчезли. Вот у моей маминой старшей сестры, Антонины Александровны Ключанской была еще такая же история. Я пришла в Горный институт... в музей истории политеха, нашего политеха. И, значит, решила спросить, кто такой был Ключанский. Ключанский — это муж моей тетки, старшей маминой сестры. Я директора музея спрашиваю: «Скажите, пожалуйста, вы не знаете, кто Ключанский? Встречали когда-нибудь такую фамилию?» Вот представьте, стоит человек, и так... И сказать ничего не может. «А вы, — говорит, — откуда знаете его?» Я говорю: «Это мои родственники». — «Как родственники? Как его звали?» Я говорю: «Георгий Васильевич». Она, значит: «Подождите, я, — говорит, — запишу». А потом давай меня расспрашивать. Оказывается, был приказ, подписанный Орджоникидзе, создать в Иркутске Горную академию. Ректором академии назначен от них какой-то человек, заместителем по науке и геологии — профессора Ключанского. Комиссия сюда, ну, несколько человек приехали, создали наш Горный институт, вот в этих домах, кстати. Вот тут вот дома эти стоят. Они создавали Горный институт. Ну, представьте, что такое создать институт. Программы, помещение, преподаватели, всё это. Учебники, обеспечение. Вот он, значит, они здесь работали, вот с теткой приехали из Москвы, создали этот институт и уехали. И всё, мы же ни одного слова о нем не знали, о Ключанском. Так самое интересное, что были документы так уничтожены... Он еще Горный казахский создавал. Первые-то казахи начали печатать, причем с благодарностью великой к нему, о нем, о Ключанском. А здесь вот ничего. Ольга Анатольевна, это директор, она говорит: «Я ничего не могла о нем найти, все документы были уничтожены». Она даже имени и отчества не знала, человека, который создавал этот институт. По-видимому, там еще какая-то градация была, потому что Ключанского арестовало КГБ Казахстана. И его арестовали вместе с большими начальниками. Начальники — это председатель президиума, еще там что-то вот. Вот в такой компании он пошел. И поэтому о них нигде ничего не было.

00:41:18

Правильно я понимаю, что бабушка и дед не узнали, что отец расстреляли?

Нет. Нет, они не узнали, бабушка понимала, что иного не может быть. Потому что всё равно человек бы что-то о себе дал знать, как угодно. Но они никогда не узнали, ни мама, ни я, ни бабушка с бабушкой, никто этого не узнал. Никогда. Откуда мы могли узнать это? Было «10 лет без права переписки». Всё.

00:41:53

Была бумага, где было написано «10 лет без права переписки»?

Да, у мамы.

00:41:59

Или это на словах произошло? То есть на словах она...

Я ее не видела. Говорили так, но я не видела этой бумажки. Умерла мама, я забрала ее документы. В 1993 году она умерла. То, что я там нашла, о реабилитации документы. У меня есть справка, когда ее посадили. Я говорю, сейчас язык как-то поворачивается сказать: женщину посадили. За что женщину посадили? Женщине остался ребенок. Сколько она могла нормальных детей родить? От нее бы только польза была.

00:42:43

В 1937-м отца забирают. Официально никаких документов семья не получила.

Нет.

00:42:52

В 1947-м 10 лет происходят, закончились.

Да.

- 00:42:58 **Пишет ли семья запрос в НКВД, где же отец?**
Нет.
- 00:43:03 **Не пишет.**
Нет. Потому что бабушка понимала, что... Она нехорошо относилась к власти, так будем говорить. Она понимала, что это писать бесполезно. Мама боялась. Мама-то в лагере была. Нет, в 1947-м уже дома была. В 1945-м приехала. Мама уже хватит, пописала. Если бы она не писала, тогда не надо было ей что-то там. Разве бы это случилось? Как вот эта Ключанская говорила: «Сколько я ее уговаривала: “Нинка, не езд, не езд, не езд”. Нет, поехала».
- 00:43:46 **Дед, который всё-таки большевик, в 1947-м году живой еще? Живой?**
Нет, в 1944-м [умер].
- 00:43:55 **В 1944-м ушел. Когда вы получили документы, когда вы узнали, что отец был расстрелян?**
Не было у меня такого документа, ни в маминых документах, нигде. Есть только документ о реабилитации отца.
- 00:44:11 **В нем написано, что он был расстрелян?**
Наверное. «Приговор военной коллегии от 7 октября 1937 года в отношении Райхбаума по вновь открывшимся обстоятельством и отсутствию состава преступления». Вот, к сожалению, вот этого... Нет. Нет, такой бумажки я не видела.
- 00:45:22 **Когда в 1990-е можно знакомиться с делами...**
Да.
- 00:45:29 **Хотели ли вы и пошли ли вы?**
Хотела. И побоялась. Побоялась.
- 00:45:40 **Дети ваши знакомились ли с делом?**
У меня дочь тоже нет, потому что всё, что я делаю, так сказать, ну, я не знаю, с ее одобрения, что ли, у нас отношения с ней нормальные, я всегда с ней делюсь. Она абсолютно всегда поддерживает меня. И, может быть, она мне как-то говорила, потом говорит: «У тебя характер дурной, ты будешь долго переживать». Понимаете?
- 00:46:15 **Да, понимаю.**
Мне немного надо, чтобы потом долго-долго это дело всё... Вот точно так же, как мамыны лежат тетрадки, боюсь. Боюсь. Мама вышла замуж потом второй раз в Уфе. И жизнь она дожила свою. Я рада за нее, что у нее жизнь в последние годы была спокойной, может, лет 20.
- 00:46:59 **Существует ли какое-то место?.. Очень многие хотели знакомиться с делами, чтобы узнать, по крайней мере, где захоронены или зарыты, где погребли...**
Погребли.

00:47:14

...тела, где было погребение, чтобы так или иначе помянуть человека. Знаете, есть где-то на земле место, где вы поминаете?

Я понимаю. Я в Рыбинске никогда не была, хотя, в общем-то... Не могла вот это переступить. Где обычно? Там, где приводили приговор, там и... У него 7 октября привели этот приговор, и там же он приведен в исполнение 7-го числа. Значит, это дело было в Рыбинске. У меня и сомнений не было никогда, что это в Рыбинске.

00:48:14

Кого-то в судьбе отца взрослые обвиняли?

Обвиняли.

00:48:20

Кого?

Вот мама всё время говорила. Они ж... Была такая молодежная, хорошая, по-видимому, одного уровня компания сложилась на заводе, там все. И там был армянин, Бабкен. Мама говорила, что это написал Бабкен на него заявление. Вот это она говорила. Ну я когда выяснила, что если там в документах, что там такие вещи убираются.

00:48:58

Да, их не дают читать.

Не дают их читать, да. Но мама всегда говорила, Бабкен.

00:49:09

То есть в судьбе отца семья винила конкретного человека? А не систему?

Да вы что? Ну какая? Я была настолько воспитана, зная, что такое система. Не только система. Но это уже когда я больше стала, взрослее, это уже где-то, когда я соображать начала, конец 1950-х годов. Мы с бабушкой очень много разговаривали. Это был удивительный человек, который мог говорить сколько угодно, когда угодно. Каждый вечер мы садились, и у нас начинался какой-нибудь разговор. Бабка удивительная была. Сейчас у меня внуки так же приходят.

00:50:04

Вы похожи с бабушкой? Похожи?

Внешне? Нет. Бабушка красивая была.

00:50:13

Вы красивая женщина.

Ну нет. Бабушка такая была, интересная женщина.

00:50:25

Как в семье... Помните ли, когда началась война? Как для вашей семьи она началась?

Война для меня началась... Как вам сказать? В один день сказать тоже нельзя. Но всё сменилось, темно стало. У меня такое состояние было, что темно было. Света не стало сразу же, электричества, ну это понятно. Я помню, я смотрю: полосочка красненькая, спиралька нагрелась. Керосиночки появились. Не стало ничего, ни сладенького, ни вкусенького. Ребенок же, ну пять лет еще было. Жизнь, конечно, изменилась, очень сильно изменилась, тяжело изменилась жизнь. Бабушка даже стулья от столового гарнитура обменяла на воз дров. Понимаете? Всё продавали. После войны ничего не осталось. Причем ни дед, ни бабка не умели зарабатывать деньги, как-то что-то делать. Они не практичные были люди. У нас была старая бабушка Фёкла Трофимовна, я была, у Леонида родилась Ольга 20 мая, у Якова, еще одного сына бабушкиного, родился мальчик. В июне, я родилась в июне 1936-го, он в июле 1940-го. Вот эти дети остались на попечении бабушки. Ну и я не знаю, как она нас выкормила каким-то образом. Таскалась с нами, занималась.

00:52:28

Были ли карточки?

Обязательно. Карточки были, обязательно, мы ходили по этим карточкам, смотрели. Я вот не рассказала еще одну вещь, я отдала ее Ирине Ивановне. Я у мамы в документах нашла вот такую вот книжечку. Ну знаете, как раньше были? На этой книжечке написано: участник соцсоревнований. Это книжечка из лагеря. То есть мама в лагере была на передовых позициях и участвовала в соцсоревнованиях. Я не любила соцсоревнования никогда. И в этом соцсоревновании у нее было... Занималась она чем? Снегозадержанием. Да, снегозадержанием. И вот в этом снегозадержании она то на 103% выполняла норму, то на 117. Вы понимаете? Вот такая профанация. Как можно на 117% задержать снег нынче? А на следующий день на 103%. Но вот эта книжечка-то существует. Вы понимаете? Я когда ее прочитала... Книжки так откидываешь, думаешь, что там надо? Соцсоревнования. Человек сидящий, они, наверное, в это верили, что ли, что они действительно, перевыполняя план, помогают государству. Это я помню хорошо. Еще книжечка у меня где-то дома даже есть. Это норма выдачи картошки на месяц, пять килограмм того, другого, овощная книжка такая была. Ходили мы с бабушкой, у нас гастроном был на Карла Маркса, «Слата» там сейчас. Вот в этом гастрономе мы стояли в очередях каждый в определенный день. Ну, какие-то группы. Стоишь, что дадут, неизвестно что. И вот во время войны мы там стояли, стояли, там пока достоинься. Один раз только. Ну ничего там интересного-то не было. А чем кормились дома? Почему-то перловка была и сухая картошка. Вот такая вот сухая картошка, она так в зубы — эх — и застряла. Такая картошка ж не проваривалась. Потом, значит, очень много было беженцев.

00:55:13

Что это?

Беженцев, беженцев.

00:55:14

А, беженцы.

Да. Когда эти беженцы начали приезжать, люди, это уже к зиме было, вот у нас гостиная большая была, и там в каждом углу жила семья. Но я помню, бабушка ходила вилки почему-то, помню, ложки, ну по квартире собирала, где-то что-то искала. Но люди-то приехали совершенно... Ничего нет. Но представляете, в каком состоянии? И вот эти старые пальто отдавали туда всякие, подстилать. Жили-то, в общем-то, не сами, да уже сколько-то прошло? 20 с лишним лет советской власти. Уже в магазинах-то ничего не было, запасы дореволюционные кончались. Насчет того, что отношение к системе, это бабушкина работа, она меня воспитала нормально совершенно. Я понимала, что это такое, чем это так... Вот это было дело. И во время войны вот эта перловка, и я помню, что вот перловка останется, этот суп с перловкой, и бабушка звала девчонок вот из этих вот. И девчонки с таким удовольствием доедали этот суп с перловкой. Ну, я тоже ела, куда денешься.

00:56:44

Слушали ли радио?

Обязательно. Обязательно. Насчет радио интересное я хочу сказать. Знаете, долго-долго мне снился сон. Строения заводские из красного кирпича, и народ идет, вот сон. Я просыпалась и орала. И людей вот так берут и куда-то закидывают в печку. Закидывают в печку и говорят, что это дрова. Этот сон меня настолько мотал, я боялась его, я засыпать боялась. Уже взрослая я была, дура-то, и наконец у меня это в голове хряснуло: я играю, я бегаю, радио-то работает. И вот однажды, я никогда не забуду, пришел дедушка, радио работало, он сидел за столом, ждал, когда бабушка даст ему поесть, и вдруг он голову вот так вот обхватил руками и зарыдал. Это было так страшно, видеть, как пожилой человек рыдает. Ну, по-видимому, по радио что-то говорили, тот же Бабий яр. Тоже мне в уши-то попадало, и я вот это вот, такое вот у меня было представление страшное. И вот эти вот иногда, на заводе или еще где-нибудь, эти красные кирпичные стены, я радио до сих пор вспоминаю. Радио работало всё время. Слушали сводки, где, что, всё-таки это совершенно... Никогда радио не выключалось.

00:58:31

Как вы пошли в школу?

В школу я пошла... Я пошла в школу в сентябре, 1 сентября, а 8 сентября дедушка умер.

00:58:45

В 1944 году.

В 1944 году дедушка умер. Дождь такой был. Хоронили его из мединститута. Нас не взяли, ребяташек, дома были. Дедушка умер, а я пошла в школу, 1944 год. Нина Ивановна у нас была классная [руководительница], учительница. Но ничего не было, ни бумаги, ни тетрадей, ни учебников. Ну, где их было взять? У меня мамина сестра, тетка, была, Елена, она где-то вот такой бумаги нашла, серой совершенно, и из нее нашла мне тетрадей. Налиновала их, рамочку сделала. Потом, когда я начала писать на них, они полностью промокали. Ну, я писала всё-таки. Но тетради были криво обрезанные, больше этого даже листки, вот она тут их сшила, тут нарисовала всё мне, сколько сидела. Учебников тоже не было. Один-два учебника, сейчас с Кларой когда встречаюсь, а мы с ней на одной парте сидели, жили рядом, учебник один на двоих, на троих. Ну, а где? Так и было ведь. Один на двоих, на троих учебник. Ну не было их, это тут даже государство нечего было винить в этом. Однажды мы с теткой пошли на рынок, на центральный. Я вот недавно шла и думала: где-то на этом месте я рев устроила. Женщина продает учебник с рожью, помните? Не помните, наверное, рожь была тут нарисована, [нрзб]. И вот новый, совершенно новый учебник. Я когда увидела, я к тетке сразу же: «Купи!» Она пошла со мной, посмотрела так, держит и говорит: «Риточка, у меня нет таких денег». Знаете, сколько за этот новый учебник просили? Она мне его не купила. Ну, учились. Все были равны. Все были бедны. Водили нас есть в столовую, а в столовой давали, сейчас скажу, что давали, давали рагу овощное из... Ну, там немножко картошки, основное — турнепс. Запах специфический. Я туда заходила, хотелось нос заткнуть. Ну невозможно, турнепс, не репа, я потом репу делала пареную, думала, что-то хорошее люди наши ели, предки. Ничего не получилось. А турнепс, он с таким специфическим запахом был. Ужасно. Но ели дети, но ели, а куда денешься-то?

01:02:11

Вас спрашивают одноклассники про папу и про маму, что вы говорите?

Не спрашивал никто. Никогда. Вот я даже, я думала об этом: почему я никогда?.. Меня никто не спрашивал. Я жила с бабушкой, с бабушкой жила уже. Никто меня никогда не спрашивал. Ну вот у Клары отец вернулся с фронта позже домой, первое время его не было, да. Я не знаю, ни о ком не спрашивала. Я не знаю, почему. Я не знаю, как. Не было. Во дворе у нас, двор, такие вот дома деревянные у нас были. Ну а что там людям спрашивать? Там у каждой семьи была трагедия.

01:03:02

Вы живете в коммунальной квартире. Называют ли вас соседи «враги народа» или как?

Нет, никто. Никогда. Я не знаю, почему, но никто никогда. Все наши соседи, никто никогда не называл. Никто. У нас уже была одна женщина там буйная. Ну и то у нее брат сгинул, любимый. Нет.

01:03:37

Чуть-чуть забежим вперед. Когда мама приехала, а ей нельзя было поселиться в Иркутске, кто стукнул, что мать?..

Вот эта соседка. Вот эта соседка Татьяна Сафроновна. Кстати, у нее была такая интересная... У нее муж был геолог, причем известный очень в Иркутске геолог. Такой здоровый, большой, вылитый Пороховщик. Настолько похож на него. Вот такого типа, только больше мужчина. И двое детей, близнецы, Славка и Вовка. 13 июня 1930 года они родились, такие красивые парни. И вот однажды Андрей Акимович, значит, в 1937 году ребятам было по 7 лет, и Андрей Акимович прибежал домой и Татьяне говорит, Сафроновне: «Я уезжаю, меня не ищи. Где, я тебе не скажу всё равно. Береги детей». Она не работала. В 1937 году было. Она кончила вообще университет, работала потом диктором на вокзале, но детей кормить надо было. Она туда-сюда. Где-то бегала, всё работу искала. А он сгинул. Ночью за ним пришли. Пришли ночью за ним, а его нет. Она говорит: «Я не знаю, куда он уехал. В командировку, наверное». И всё. И он вернулся в 1945 году.

01:05:15

Какой умный человек.

Да. И он уехал, оказывается, на прииски, на бодайбинские, с которыми он был знаком. Золотые прииски. Он там работал много, он туда уехал, на эти золотые прииски, и оттуда уже его забрали на Японскую войну. Там он награды какие-то получил и вернулся домой. Представляете? Так же у меня у приятельницы в дверь, стук раздался в дверь. Они взяли и Николая Потаповича в подполье спустили. Пришли: «Где Замашников?» — «Не знаем. Он же на практику уехал с техникума». — «А, ну всё». И больше никто не приходил, не спрашивал,

вернулся он с практики или нет.

01:06:10

Такой известный странный факт. У меня было два интервью, когда забрали всю семью, немцев. Русские немцы, 1939 год, все большие национальные дела. И одна из дочерей 15 лет оказалась в Мариинском театре.

Где?

01:06:28

В театре. Она оказалась в театре, спектакль поздно закончился. Была «Аида», она идет четыре часа. И она осталась у подружки ночевать. Забрали мать, отца, сестренку отправили в детский дом, не осталось никого. Даже бабушку забрали. Из семьи осталась она одна, только благодаря тому, что ее именно в эту ночь не было.

Спасибо Верди.

01:06:54

Примерно так.

Вот такой случай у меня. Это абсолютно точный случай.

01:07:02

Зачем эта женщина Татьяна донесла на мать? Почему? Какие-то...

Могу сказать. У нас дом большой был, переехали они в него в 1920 году, занимали весь низ. А Татьяну Сафронову с мужем подселили к нам, наверное, году в 1931-м. И им отдали, веранда такая была, они ее засыпали, сделали насыпнушку и их в эту комнату вселили. Дверь прорубили. Но они четыре человека в одной комнате. Так? У нас комнаты, часть комнат, забрали беженцы. Беженцы когда были, у нас вот эти две большие комнаты, гостиная, дедушкин кабинет, это всё туда ушло. И у нас осталось здесь две маленьких комнатки, одна побольше. Но народу-то тоже трое ребят, хватало. Невестка еще, Леонида жена, была. Она хирург была, правда, дома редко бывала. В госпитале работала. Ну вот, короче говоря, это квартирный наш вопрос. Наш квартирный вопрос. А когда приехала еще мама... Но мама, она не была мягким человеком таким вот. Она с Татьяной схлестнулись, чего уж у них там было, я не знаю. Я маленькая была, меня это не интересовало. Но вот из-за этого она стала мать и выживать. Это точно я знаю совершенно, потому что ей не нужна она была, ей квартира нужна, это квартирный вопрос. И она на нее написала [донос].

01:09:03

Это понятно тогда. К школе еще возвращаясь. Если вы можете описать, как эта школа выглядела, вместе учились, не вместе учились, была ли школьная форма? Висел ли «наш вождь и учитель»?

Обязательно.

01:09:21

Расскажите про школу.

Про школу. Ну у нас школа была, это старая школа, дореволюционное здание, а к ней пристроили еще. Тут три класса получилось и тут три класса, шесть классов пристроили, там туалет сделали. Ну и вот. От зала актового шло туда. Пристройка 1930-х годов. Школа была № 19. Рядом, в которую должна была бы я пойти, 17-я школа, там был госпиталь. Во всех этих школах, они были 1930-х годов постройки, во всех них были госпитали, в 11, 13, 15, 17-й. Все школы. Тетка моя работала в 17-й школе. Она как с утра вставала к операционному столу, так пока не свалится там. Ну и вот они, она... Вот мы учились в 19-й школе. Класс был большой. Классы вообще большие были, высокие. Класс был большой, народа было много. Ссор таких у ребятшек я не помню, учительница была одна у нас. И значит, с учебниками, я сказала, плохо было. Ходили на физкультуру, тоже никакой формы, формы не было никакой. Кто во что горазд. Ну какая форма может быть? Какая форма? Тут уже я могу вам рассказать историю немножко позже возрастом. Ну вот учебники... Ни разу, вот я не помню... Я помню, вот я помню, в третьем классе у нас другая учительница была, она пришла и говорит: «Вы знаете, нам на класс дали пять тетрадей». Пять тетрадей на класс дали. Представляете? Это была такая радость, и она их распределяла. А потом прошло несколько дней, она приходит и говорит: «Нам две тетради дали на класс». А тут я, в этом ряду сидела я, и вот Клара моя, с

которой мы до сих пор... В садик еще вместе ходили. 80 с лишним лет. Ну и вот она мне говорит, она говорит: «Давайте вот этим двум сорокам дадим». И нам дали эти тетради. Я помню, открыла, она такая лощеная же была, вы понимаете. Чернила носили с собой в бутылочках. Ставили вот в бутылочках, все пальцы грязные, сама здесь вся в чернилах, капает, ручка, с этой ручки капает. Ну это всё было, это всё, наверное, как у всех. Единственное, что в третьем классе, в третьем, к нам пришла новая учительница, Мария Алексеевна. Мария Алексеевна, такая женщина деревенская, простая такая, сапоги в гармошку, я всё смотрела, думала: как она делает вот так вот спущенное? Ну пиджачок какой-то, еле сходил, здоровая такая женщина. Вологодская она была. Говорила очень, ну, с сильным акцентом. Нормальная учительница, ну учила да учила. Я как-то даже, никогда у меня и мысли не было. А вот когда она пришла, в тот год мне в школу идти, формы-то никакой не было, ничего не было. Мама с бабушкой давай перерывать тряпки старые, из чего мне можно хоть что-то шить. За лето, наверное, выросла. Но негу ничего. Нашли какое-то платье старое, полурваное, коричневое, из него сделали вот так вот, сделали, короткое. Туда-сюда — мне короткое. А бабушка вспомнила, говорит, у деда где-то был коричневый жилет парчовый. Он рваный, я им играла еще. Они нашли этот жилет, из жилета вырезали мне вот такую...

01:13:31

Кокетку.

Кокетку? А сзади-то уже не хватало, и мать вот так вот сострочила кусочки, что-то настрочила и вот такой вот воротничок, там где-то у меня был. И пришла вот такой воротничок, сделали из чего-то, чтобы прикрыть лохмотья-то. Пришла эта учительница. Ну, класс, как сказать? Городской класс, конечно, не деревенский. Всё-таки, наверное, мы и в театр, может быть, ходили в музей. В музей-то я точно ходила. В музей мы ходили еще до этого, он тут недалеко был. Это я... Музеи, всё, особенно краеведческие, зверей всех знали. И туда дальше ходили мы. И она нас год отвела и через год ушла, а может, даже меньше, мне почему-то кажется, что она нас не довела до конца. Да, пришла вот эта маленькая женщина такая, Валерия Федоровна. И это всё. Ну, считайте, 1945-1946 год. И ушла с женщиной, и больше я ее [не видела]. И вот, значит, переехали мы в городок, где я сейчас живу. Пошла я в магазин, стою, ну, как всегда в России у нас очереди за молоком. Так просто ничего не купишь. Приходит группа женщин, такие, простенькие. За мной очередь занимает, я так вот смотрю, думаю: господа, как похожа на Марию Алексеевну. Ну и, значит, гляну на неё, думаю: да это что ж такое, как похожа. И вдруг она говорит: «Вы не Рита?» Я говорю: «Рита. Мария Алексеевна, я вас узнала». Она говорит: «Да ты что?» Ну и, в общем, мы с ней разговорились. Я говорю: «А чего вы ушли-то от нас тогда?» Она говорит: «Так вы знаете, класс-то какой? Девочки-то какие воспитанные, интеллигентные. Интеллигентные девочки воспитанные. А я-то с вологодским со своим акцентом. Все богато так одеты». Я говорю: «Кто же?» — «А у тебя-то какое богатое платье было». Вот богатое платье у меня было. «У тебя-то, — говорит, — какое богатое платье было».

01:16:04

Вместе ли учились мальчики и девочки?

Нет, мы учились отдельно. Это когда мама меня в Уфу забрала в седьмом классе, там я с мальчиками столкнулась, а так мы учились отдельно. У нас была женская школа. Женская была школа.

01:16:19

Начинались ли уроки с политинформации? Про войну, про...

Нет. Нет, этого не [было]

01:16:25

Как вообще школьная жизнь, как день школьный строился?

Ну, день школьный строился. А, ну я могу рассказать, как день школьный... Шли мы в школу. Но тут уже тоже не власть, ничего, не обвинишь, советскую. Не было у людей часов, не было ничего. В городе были гудки. Вот я их хорошо помню, значит... Вот, допустим, шесть часов. Шесть. Рано?

01:17:08

Нет, просто...

Ну да.

- 01:17:14 [Дверь] не закрывается.
- 01:17:16 **Подопрем, по русской традиции. Давайте стул поставим.**
Там уже спускаются, уходят.
- 01:17:24 **Секунду, подождем.**
Можно пока перерыв? Я спущусь.
- 01:17:30 **Нет.**
Я быстро.
- 01:17:32 **Нет, нет. А, конечно, что же вы...**
Ну, камера пишет.
- 01:17:42 **Камера пишет, хорошо.**
Можно говорить?
- 01:17:45 **Да.**
И вот, значит, в Иркутске раздавались гудки. Гудело пароходство. По Ангаре ходили до Братска пароходы тогда. Пароходство гудело. Допустим, я вам приблизительно рассказываю, не помню точно, допустим, в шесть часов длинный гудок. Значит, рабочий класс поднимайся. И каждый знал, что это гудит пароходство и пароходство гудит, допустим, в шесть часов. В полседьмого, значит, какие-нибудь два гудка, это знали, что гудит ТЭЦ, которая... Ну вот тут сейчас она еще есть, да. ТЭЦ гудит, допустим, да. Потом там еще какие-то... И мы все по этим гудкам знали, что сейчас полседьмого, что сейчас без пятнадцати семь, что выходить нужно. То есть мы выходили по гудкам. Понимаете?
- 01:18:32 **Да, это удивительно. Я первый раз про это слышу.**
Ну, так это было. Выходили по гудкам, и мы все знали, как пароходство, как кто гудит. Может, там на железной дороге где-то гудело. Но я вот помню хорошо: пароходство, ТЭЦ и [нрзб] завод. Вот эти три я запомнила, что у них разные, ну, гудок-то сам по себе был другой. В туалет надо сходить.
- 01:18:58 **Давайте.**
Выйти?
- 01:19:00 **Давайте. А здесь разделяются мужской и женский?**
Нет.
- 01:19:05 **Потому что оператор туда побежал. Сейчас он придет, и тогда...**
И вот они, значит, гудели, эти пароходы. И вот мы по ним выходили. Но зимой бабушка меня одевала, что-то закутывала такое, шла. Я вообще думаю, что вот как сейчас легко одеты дети и

как мы тогда одевались. Обязательно два слоя ватина, какая-то эта... В общем, тяжело было идти, тяжело было. А потом, как только это, валенки с калошами. И вот мы шли в школу. И в 1946 году, наверное, у нас по улице Степана Разина, где я переходила улицу, там начали строить трамвай. Даже не знали, что это такое, трамвай. Там работали японцы. Строили они очень быстро, потому что это недолго. Ну, может, недели две-три они вот этот участок строили дороги железной. И когда они, значит, мы проходили, то кто-то из детей первый раз с ними зазнакомился и японцы подарили какой-то карандашик, а наши в ответ отдали завтрак. Ну, что на завтрак? Вот я помню, белого же хлеба не было никогда, черный хлеб, сахаром посыпанный. Ну, может быть, еще, бабушка говорила, не с маслом, а с ножом, маслом чуть-чуть помазаны. Но это лучшее, что могло быть, потому что ничего другого с собой ни одна мать не могла дать. И вот мы этот кусок отдавали японцу. А японцы нам, ну, барахлюшки всякие, что у них было, у них же тоже ничего не было. Тоже голодные, холодные.

01:20:54

Они военнопленные?

Военнопленные, да. Военнопленные. У нас же кладбище военнопленных японцев есть.

01:21:00

Давайте прервемся.

Что мама-то знала и не донесла на отца.

01:21:08

А что мама знала и не донесла?

Ну, у мамы в документе где-то написано было.

01:21:11

Да, что?

Знала и всё, видела его противоправную деятельность. Связь с японцами. Он японский язык учил последний. Какой холеры ему надо было?.. Ну всё, можем разговаривать?

01:21:29

Да, можем. Пленные японцы, которые появляются в Иркутске, их охраняют. Как их водят на работу?

Вот на работу их привозили. Где они жили, я не знаю. А когда мы шли, их охраняли, но нас не гоняли, вот когда мы этот обмен весь совершали, но они были под охраной, а как же. На улице темно, ни одного фонаря, и дома-то нет, дома эти вот коптилки такие были, у них один фитилек. Знаете, у нас в комнате одной собирались все беженцы, все вечером. Вот одна коптилочка горела во время войны, и вот тут кто-то штопал, кто-то зашивал, кто-то что-то делал, кто-то уроки делал. Все за огромным столом, стулья продали. На чем сидели, не знаю. Стулья-то продала бабушка за дрова удачно, у нее с красной кожей были, красивые. А японцы, голодные они, наверное, были. Как и все были голодные, откуда же можно было лишнее что-то взять? Даже никого не обвинишь.

01:22:47

Кого-то еще из наших эзков или других пленных, других национальностей — были ли? Были ли на улицах люди?

Нет. Я не видела никогда. Никогда не видела их. А японцы, вот это просто с ними столкнулись мы, когда они строили вот эту вот линию трамвайную. Они ее прокладывали, первую трамвайную нашу линию, и вот этот участок, там утром мы шли в темноте, я помню хорошо, как мы подходили, все там кучковались. Думали, как бы хорошо это, я думала, кусок на что-то поменять хорошее. Однажды девочка одна вот такой свой завтрак поменяла на открытку. Открыток же не было до войны. Я даже где-то читала о том, что они нецелесообразными для правительства оказались. Открытки не выпускали. Только открытые письма, без картинок. Это я официально читала. А потом стали выпускать. И вот тот момент, когда начали выпускать эти открытки, я хорошо помню, что первые открытки появились в киосках, стояли. Я, между прочим, деньги, если у меня какие были, я их тратила маме на духи или на открытки. Ну, что-то вот такое. А духи-то были какие, господа.

01:24:15

Маме или бабушке?

Маме. Маме. И там духи были «Резеда», «Ландыш», ну в общем, какая-то «Роза», ну в общем, такое. Они в таких флаконах. Потом тройной одеколон в таких был. Тройной одеколон, допустим, «Резеда» был одеколон, и духи Резеда» маленькие. Или в таких вот треугольных бутылках страшных стояли. Ну понюхаешь, аромат какой! Так что вот японцы, было их много, потому что у нас даже какой-то отец, по-моему, премьер-министра Японии похоронен. В ниже... В Шелехове. Японский. В плену был тоже. Много было японцев. Кладбище большое японское.

01:25:10

Возвращаемся к школе. Вот по гудкам живет Иркутск.

Да.

01:25:14

Вот в классе только девочки. Один класс в одном помещении или вместе как-то все были?

Каждый класс имел свое помещение. Классы большие, были хорошие. Школа такая нормальная. Большая была.

01:25:32

Начинался ли учебный день с линейки какой-то, с политинформации?

А так, нет. Не начинался, потому что, наверное, это еще маленькие мы были. Совсем нам информацию в голову не запишаешь. А вот то, что первый урок по музыке, я хорошо помню. Вот это я помню. Это нам сказали, что сейчас мы будем разучивать любимую песню этого — слава богу... Ленина-то как звали?

01:26:05

Владимир Ильич.

Владимира Ильича, которую он чуть ли не каждый день пел с удовольствием. «Замучен тяжелой неволей». Вот эту песню, мы ее: «Заму-у-учен...» В зале стояло пианино в углу. Мы тут стояли все, потому что стульев в зале не было. И вот «Замучен тяжелой...». С этой песни у нас начинался урок музыки. Вот это я вам точно могу сказать.

01:26:37

Только и делают [нрзб] девочки восьми лет.

Да, мы, да почему, девочки восьми лет, я в восемь лет пошла в школу. Вот мы эту песню разучили сразу же, «Замучен тяжелой неволей». Это была первая песня, которую я в школе [выучила]. Да. Я ее до сих пор знаю. И больше, главное, меня всегда интересовало, что я нигде никогда не слышала об этой любимой песне. Больше нигде о ней не писали. Может, мы пострадали ни за что. На уроке проходили, ходили мы есть эту кашу. Не кашу, а рагу это. Физкультура была. Никаких форм не было, бегали так. Никаких переодеваний. Да не во что было, не во что. Винить-то никого нельзя было. Кого винить-то? Где что было? Всё на фронт ушло. Мы же после войны сразу же это же всё. В классе в третьем, четвертом, я думаю, даже очень быстро наладили производство тетрадей, учебников.

01:27:46

Кто давал звонки?

Звонки у нас давала бабушка. Я помню, ее звали, по-моему, тетя Маша. Знаете еще что? В своей школе, я недавно об этом когда написала, мне женщина позвонила, она старше меня намного училась, но тоже в этой школе. Она говорит: «Я забыла об этом даже, действительно так было». Вот она, эта бабушка, наверху другая бабушка, они, пока мы сидели в школе, они протирали все полы. И мы когда выходили, полы блестящие, влажные. Понимаете? А, еще наша школа была, отапливалась углем, дровами. И класс, вот коридор, и топка была из коридора, а печь вот так вот в класс входила. За печкой закуток такой был. И девочки-старшеклассницы носили в перерыв, на перемене, приносили уголь, приносили дрова. И когда на зиму запасали уголь, дрова, то это тоже старшеклассники принимали активное участие, всё это загрузили. Я помню хорошо, что эти наши братья Вовка со Славкой Борисовы, им в школу привезли дрова, уголь, Вовка пошел, а Славка нет. И директор его выгнал, Иосиф Александрович. В 11-й школе.

И Татьяна, которая на маму-то писала, она побежала с ним разбираться. Она мне потом рассказывала. « Мне, — говорит, — так стыдно было, он смотрит на меня, а я на него кричу». Ребята делали сами, таскали, ну а кто будет таскать-то? Конечно, сами носили.

01:29:42

Какая-то ребячья жизнь вне школы была?

Очень большая. Очень большая. У меня всегда-то было много знакомых, друзей. И очень часто из школы, я даже сейчас думаю, я бы, наверное, на Катюку на свою рывкнула, я приводила детей к нам. Но кормить их было, конечно, нечем, чтобы там, ну, что-то такое, я не знаю, может, бабушка чем-то угощала. Но дело в том, что мы играли. У нас там такая доска была, мы ее ставили как школьную доску, мелом писали на ней что-то, мел был какой-то. В общем, игры у нас были очень... А летом мы носились на улице, у нас садики были, и загорали, и лежали. А вечером, к вечеру почему-то обязательно начали в прятки играть, какие-то палки куда-то кидали. И на улице. И вот не помню, чтобы — детей очень много было, очень много — чтобы мы когда-то ссорились, дрались или еще что-то такое было. Играли. Дворы-то были большие, там же были огромные сараи дореволюционные. Вот у нас, например, такой комплекс был сараев, там был каретник, сейчас четыре машины можно было бы поставить, с такими воротами открывающимися, такими толстыми. Там были дети, лошади когда-то стояли до революции. Ну вот всякие сараи, ледник был под сараем. Но это строилось-то всё капитально. Дома потом пришли в негодность, когда их никто не стал, ничьи когда стали. Когда хозяева-то были, тогда было хорошо, дома, наверное, были в порядке.

01:31:51

Спокойно родители к вам в дом отпускали детей?

Да. Мы вообще все спокойно. Вот я даже помню, дедушка поехал, его забрали в больницу, он умер от дистрофии, кстати.

01:32:04

Дистрофии?

Дистрофия у него была. Вот он кафедрой заведовал, а мы-то, нас же кормить надо было. Бабушка, прабабушка, трое детей. Ну, Лёля, может, что-нибудь приносила. Мы бегали везде. Мы могли до Ангары дойти, я не знаю, нас никто не... Вот после, к концу войны, стала такая вещь: стали детей раздевать. Вот это я хорошо помню, потому что у нас двух девочек рядом в доме раздели дважды.

01:32:44

Раздевать, в смысле обворовывать?

Обворовывать, да. Куда-то заводили, пальтишко снимут, что-то снимут, шапочку снимут. Вот это было дело. А так, я никогда не помню, я не помню, чтобы что-то такое было к детям, по отношению к детям. Вот это было, когда раздевали этих детей, а так этого не было никогда.

01:33:09

Вы, ну, подружкам, в основном же это девочки, наверное, только девчонки...

Да.

01:33:13

...представляли бабушку и дедушку как бабушку и дедушку?

Да.

01:33:17

Или как мама, папа?

Нет, бабушка, дедушка.

01:33:19

Бабушка, дедушка.

Но дело в том, что у нас в классе, например, очень у многих или отца, или матери не было. Ну вот я же ходила к своим девчонкам. Очень многие, потому что и отцы на фронте погибли. Ну вот Женя у нас была такая, у нее мать почтальоном была, она шла, несла, у нее какие-то копейки были, ее стукнули, отобрали эти деньги. Ее посадили. Двое детей остались вообще с бабушкой одной.

01:33:57

А вы школьница, вы понимаете, что у вас мама в тюрьме? Что мама сидит?

Нет. Нет.

01:34:05

А что вы про маму думаете? Что вы, в вашей детской версии что вы про маму понимаете?

Я понимаю про маму, что мама где-то, где она, откуда она не может приехать, но она приедет. И дедушка — бабушка нет, а дедушка всё время меня поддерживал. Я говорила, что он водил меня гулять, всё время вот «мама на таком приедет». Но никогда не говорил, что приедет папа. Значит, они знали что-то. Никогда не говорил, «мама приедет».

01:34:40

То есть мама где-то на работе? На работе, на войне, на работе?

Нет. Я знаю, что мама в каком-то нехорошем месте. Это я знаю. Что мама в нехорошем месте. Ну вот тетя Лена посылала ей посылки, например, мамина сестра.

01:34:59

Писали ли вы маме письма?

Ну, да. Еще я писать-то не умела. Я уже научилась писать-то, когда она приехала. А вот здесь вот письма есть, и там... Сама-то я, мама приехала... Печати, видите? Вот, видите? Это дед. Это дедушка писал. Это его почерк, его письмо. Ну вот такие посылали. А чего я больше-то? Я ничего не могла еще. Дед меня, правда, перед школой заставлял, оставлял на письменном столе целую тетрадь, страницу, я должна была ее полностью написать. Я уже потом говорила бабушке, говорю: «Ты что смотрела? Над ребенком же издевательство». Ну, целую страницу написать, это же с ума можно сойти. Девочки ходили, девочек много было, много. Вот подружек, я ничего не скажу, до сих пор, с садика [друзим]. В садик вместе ходили. А годов-то много. Садик еще жив.

01:36:21

Принимают ли вас в пионеры?

Да. Я помню, что я приняла в пионеры. Меня приняли в октябрята сначала, со значком ходила. А потом, когда в пионеры принимали, бабушка демонстративно не пошла. Я не знаю, продавали ли, по-моему, галстуки не продавали. Еще не было просто их. А мне какой-то галстук достался где-то, ну, наверное, у ребят Борисовых взяли. И вот такой он был, красивый галстук, свернутый. Вот с этим галстуком меня в пионеры приняли. А в комсомол я уже так не стала вступать.

01:37:11

Удалось? Удалось не вступить?

Удалось, да. И тоже опять никакого не было у меня ощущения, что ты неполноценный человек.

01:37:26

1945 год, победа.

Победа. О! Это я помню. 1945 год, победа. Ну, вот я помню хорошо, какие-то песни мы пели, потом кто-то пришел и сказал: «Эти песни запретили, эту песню нельзя петь». Вот такие вот вещи были. Еще что-то. Помню вот...

01:37:45

А какую песню запретили?

А вот забыла. Я не помню, только помню, что мы ее горланили на крыльце всё время сидели, а потом кто-то сказал, что нельзя ее петь. Ну, такие, ну, это, в общем-то, нормально. Это было дело. А вот помню... Ну, настолько хорошо помню в этом... И 9 мая, когда вот объявили, этот день был теплый-теплый. А тетка мне только платье сшила. Тетя Лена. Из такой дерюги. И крепдешиновый воротник с бантом. Тут [на рукавах] что-то... Красота. Ну вот я нарядилась в это платье, и мы пошли на площадь, на сквер вот на этот... Вон там. На сквер пошли. И там столько было народу! Вот столько было народу! Очень много. И вот помню, девушка сидела, такая красивая, такие волосы у нее были, завитые, распущенные, кудрявые, и платье шелковое. И мы стояли группой, на нее смотрели, около нее военные стояли. Ай! И думаю: сейчас вот где эта девушка? Такая красивая. Ну, очень хорошо. И настроение было хорошее, и что-то понимал, что что-то хорошее произошло в жизни, радость какая-то. И день был очень хороший, теплый, хороший день.

01:39:29

Как-то жизнь у семей меняется после победы?

Наверное, всё-таки стало полегче жить. Что-то стало появляться, не нужно было это уже... Я помню... Мама же периодически то тут, то там, то в Усолье уедет, то потом придет здесь где-нибудь на работу устроится. Но это вообще, конечно, не жизнь была. Вы представляете? Но ей же хотелось жить всё-таки со своими родными и с дочерью. Это же всё сказалось потом.

01:40:07

Я помню, что мама в 1945 же году возвращается.

Да.

01:40:11

Что произошло раньше? Победа или мама?

Победа.

01:40:17

В начале победа?

Да, победа 9-го, а мама вернулась... Победа 9 мая, а мама вернулась в декабре, перед Новым годом.

01:40:28

Вы помните, как вы ее увидели?

Помню.

01:40:32

Расскажите очень подробно. Вот просто в детстве — что вы увидели? Как это было? Или как вы ее увидели?

Мы ее ждали, потому что она написала, что ее освободили, что она едет. И что она едет... А вы представляете, как поезда ходили тогда? Она рассказывала: где-то пересела на другой, один поезд на другой, короче говоря, этот идет только до туда, этот до туда, в общем, ехала она очень долго. Ехала от Караганды она. И поэтому ждали мы ее, каждый день она могла [приехать]. Тетя Лена заходила все время. «Не приехала? — Говорит, — Не приехала». Матери этой тети, бабушки Марии Сергеевны уже не было, она умерла. Дед был Александр Иванович Богданов, отец матери. Ждали ее. Ночью раздался стук в окно. Мы сразу же поняли, что мама... Она зашла. Я помню, что я лежала и не знала, что делать. Состояние такое, что я не... Какое-то непонятное. Она подошла ко мне, села на кровать, обняла меня, поцеловала и пересела к бабушке на кровать. Стала бабушке рассказывать, как она ехала. Это я помню до сих пор.

01:42:08

Вы притворились, что вы спите?

Нет. Я лежала с открытыми [глазами]. Почему? Я просто так вот, подушка высокая была, я так сидела и слушала.

- 01:42:19 **Вы ее представляли такой, как она приехала?**
Нет. Нет. Я помню, приехала она, на ней серая кофта такая была, грубой вязки и самой... Из овцы какой-то, жесткая такая. Вот это помню.
- 01:42:49 **Она была красива?**
Ну, наверное. Ну она в тот момент не показалась мне красивой.
- 01:43:06 **Ваше представление о маме, которую вы ждали, было оправдано?**
Нет.
- 01:43:13 **В чем вы обманулись? Что не случилось в маме, которую вы ждали?**
Дружбы.
- 01:43:31 **Сколько примерно времени, вот она приехала — до момента, как она уехала? Сколько?**
О! Это она уезжала, приезжала, уезжала, приезжала. Я же вам говорю, она во втором Иркутске устроилась на работу. Ну, второй Иркутск она из дома ездила. Из дома ездила, да. Потом, значит, ей там сказали, что это самое... Ну, мало ли, что она там сотворит. Она, по моему, она в Усолье уехала. Да, в Усолье. Там у нас в Усолье были хорошие знакомые. Она на курорт, там курорт в Усолье был, и он и сейчас есть, хороший курорт очень, и она туда уехала, там у нее жила. И работала где-то на заводе. Потом оттуда уволилась почему-то. Ну и вот в Тельбе, там рядом, в деревне какой-то она работала. В общем, где могла, какую работу могла, то и делала. Понимаете?
- 01:44:32 **Да.**
Но ей, может быть, и было не до того, чтобы здесь заниматься ребенком, что-то, ходить в школу, какие-то уроки делать, решать вот эти проблемы. Это же тоже...
- 01:44:46 **Она пыталась наладить с вами отношения или нет?**
Нет. Ну, не надо так, нехорошо говорить, наверное. Ну, нет. Она не понимала этого.
- 01:45:04 **У нее потом от второго мужа были ли дети?**
Нет. Нет. Нет.
- 01:45:17 **Следующее после победы очень серьезное событие, которое могло коснуться вашей семьи, это и «дело врачей», и «дело антифашистского еврейского комитета». Коснулось ли то или другое? И даже вот [нрзб]...**
Нет.
- 01:45:35 **...которая была доктором?... Она как была врачом, так и работала врачом? Хирургом?**
Хирург — это [нрзб] была, это младшего папиного, который на Курской дуге погиб, это его жена. Нет, она такая была, партийный деятель, была секретарь парторганизации института, вообще такая была активная. Она хирург была блестящий. Нет, никого не коснулось. Никого. Деда уже не было. Причем я насчет деда-то, после войны еще, хорошо помню такой случай: к

нам неожиданно во двор приехал милиционер на лошади — и прямо к нашим окнам. Я, значит, тут же говорю бабушке, а он говорит: «Давыда Яковлевича Райхбаума разыскивают родственники из Америки».

01:46:37

Из Америки?

Они уехали туда, у него же... Их было два брата, три брата, и сестер было то ли три, то ли четыре. И все нормальные, они свалили, уехали. А дед-революционер и брат его остались здесь. Брата посадили, а дед каким чудом?.. Я бабушку всё спрашивала, я говорю: «Каким образом он сумел остаться?» Ну, не сумел остаться, в общем, прожил жизнь, его не тронули.

01:47:21

И милиционер на лошади не нашел?

Не нашел. А, бабушка кричала ему: «Не-не-не, я никого не знаю, я их никогда не видела, боже упаси, я никого не знаю, не-не-не, больше не приезжайте сюда, я никого не знаю!» У нее один сын остался. Ну, вот еще дочь, она там была. Вот как она могла сказать? Она мне говорила, я ей потом говорила: «Наследство бы какое, может, получили». Она говорит: «Боже упаси!» Ну, уехали, я знаю, что один из его родственников в Сан-Франциско отель купил, можно было... Так мы их больше не нашли. Но, собственно говоря, я и не искала.

01:48:11

Умирает Сталин.

А?

01:48:14

Умирает Сталин. Как-то это помнится вами?

Это помнится, это я была в Уфе, училась в классе. Это мы рыдали все, рыдали.

01:48:27

И вы?

Я тоже. Я тоже плакала: а как жить-то дальше? Ну как жить-то дальше? Мальчишки кричат: «Ворошилов сейчас придет, Ворошилов будет». Все, помню, мальчишки за Ворошилова были, Ворошилова надо было во главе государства. Я не знала, может, не Ворошилов нужен был, но я не могла понять, как жить без Сталина. Я лично не понимала этого.

01:48:53

То есть он был членом вашей семьи?

Да. Да. И мама плакала. Плакали все.

01:49:03

Но бабушка-то держалась.

А бабушка, я не с бабушкой была, а в Уфе была у мамы, да. А бабушка-то, думаю, она... Бабушка, она, ну, как вам сказать... Я однажды куда-то поехала, и в киоске продавали два вот таких портрета, страшные серые такие, ну, подставить можно, Ленина и Сталина. Я купила. Пришла. Дедушка, дедушки уже не было. На стол поставила на письменный. Пришла, а они порваны. Я зарыдала. Бабушка ни слова не сказала. Но я потом... Ну вот какое-то внутреннее чувство, что говорить об этом нельзя, это было.

01:49:54

У мамы появились какие-то привычки лагерницы?

Нет.

01:50:00

Ничего такого?

Нет. Она никогда в жизни ни одного грубого слова не сказала. В смысле, неприличного. Никогда в жизни.

01:50:13

Курила?

Нет. Не курила, не выпивала, ничего. Она была великолепной хозяйкой. Всё, что у нее было, оно всё было направлено на то, что... Она каждый год пальто себе шила. Одевалась очень хорошо, наряды у нее всегда были. Это она... У мамы всё это было.

01:50:35

Приехавшая мама, откуда-то из... Когда [она] вам рассказала, что она была в тюрьме? Когда вы это узнали?

Никогда. Но я потом поняла из разговоров из всех всё. Я где-то, ну, я не знаю, когда я это дело поняла, я не могу сказать, но конкретно мне никто не говорил об этом. Вот не было этого в доме, не говорилось об этом ничего абсолютно, нигде я ничего не слышала. И даже уж такая Татьяна Сафроновна наша, Борисова, которая со всеми была в определенных отношениях, ссориться могла, вот эта соседка наша, она и то никогда мне не говорила ничего.

01:51:19

То есть вот такой принцип: в доме повешенного не говорят о веревке?

Да.

01:51:25

Тема лагеря, тюрьмы, зоны не возникала никогда?

Нет, нет. Никогда. Никогда. Никогда.

01:51:35

Когда появилась возможность разговаривать, и вы уже две взрослые женщины, вы тоже не стали разговаривать с мамой об этом?

С мамой нет, с бабушкой разговаривала.

01:51:46

Что бабушка рассказала?

Да бабушка вот это и рассказала, о том, что как она приехала, как их Ольга встретила на вокзале, как они, что она пережила. Это бабушка рассказывала. Потом рассказывала, как меня забрала, меня забрали, повезли. У мамы было красное — вот это мне еще она же рассказывала, — было красное пальто. И мама меня провожала, и в это пальто была одета. Ребенку год и два месяца, чего я могла соображать? Ничего не могла, вот это меня тоже всегда интересует. Я ничего не знаю. Мама говорила, бабушка говорила, что очень спокойная девочка была, очень спокойная. И когда мама пришла на вокзал, меня начали забирать, и в это время я вдруг неожиданно заревела. Так хорошо заревела, что ничего не могли сделать. Я редела, рвалась к маме, села в поезд, меня, значит, увезли сюда. Бабушка говорит, что «мы пока ехали, я думала, с ума сойдем». Я всё время редела. Ну потом спокойным ребенком меня нельзя было назвать, но более-менее. А потом бабушкин сын, который остался в живых, Яков Давыдович, он вышел замуж, он женился, и у него жена, ну тоже ребята жили, и она купила себе красный халат. И вот мне она рассказывала, Зоя рассказывала: «Я — говорит — в этом халате пришла — как ты заревешь!» Это прошло уже года три-четыре. И снова началась, говорит, истерика, ужасная была. Халат вынуждена была она ликвидировать. Вот такая история была с этим халатом.

01:53:57

Вы закончили школу, куда хотите поступать?

Я заканчиваю школу, хочу поступать в мединститут. Бабушка говорит, в мединститут поступать нельзя, [нрзб] говорит: «У тебя не такой характер» — и дает мне свой диплом, где выписка из клятвы Гиппократова. «Ты должна от себя отказаться, должна лечить больных, из тебя не получится». Нет — и всё. И вот мы с ней ссорились, ссорились, я говорю: «В мединститут». Кончаю школу. Я не помню как — я узнаю, что мои документы поданы на физмат в университет. А я физику? Это жуть. Я не знаю, что это такое. Какой физмат? Ну

какой физмат? Какая я и физика? А те-то все, они не понимают, как можно физику не знать. Ну и в общем, короче говоря, я год мотаюсь на физмате.

01:54:56

Вы поступаете?

Да.

01:54:58

Спокойно поступаете?

Ну а что не поступить-то? Конечно, поступаю. Поступаю на физмат. Математика у меня хорошо была всегда, очень хорошо. Я, значит, год проучилась на физмате и потом бросила, сказала: «На черта это мне надо?» Ну не понимаю ничего, ничего не понимала.

01:55:19

Слушайте, вы девочка из приличной семьи, проучились всего один курс. Прямо вот уходите из университета?

Да. Ухожу. Я не сдала экзамены, я даже их сдавать не стала, потому что я бы их не сдала.

01:55:38

Вторую сессию? Первую сессию сдали?

Первую сдала. Там математика была, это проще. А потом, значит, вторую сессию я не стала сдавать, всё бросила. Ну, они поняли, что уже бесполезно делать. И тут, значит, у меня получилось, что я год пропускаю, еще то, что я еще не подготовлена, чтобы в мединститут-то поступать снова. Ну и тут [нрзб]. И приезжаю. Однажды ездили купаться, бабушка говорит: «Я твои документы сдала. Очередь больша-а-ая была сдавать документы. Стояли девчонки». Она говорит: «Я подошла, меня без очереди пропустили». На санитарный факультет.

01:56:33

Не лечебный, санитарный?

Ну вот. Вот таким вот образом. Вообще, бабушка была интересная. Я однажды покрасилась первый раз. Пришла домой. Хожу, значит, ни слова не говорит. Ни слова не сказала. Потом выходит и говорит: «Ты знаешь, что мы, — говорит, — помнишь, у нас была старая медвежья шкура?» У нас в 1959 году было землетрясение в Иркутске, сильное землетрясение было, все бревна катаются, я думаю: сейчас все свалится. Я ору: «Баба!» Она приходит. У нее волосы длиннющие были, такие волосы. Красный халат махровый, старый такой. Она свет зажгла в комнате и говорит: «Ты помнишь “Последний день Помпеи”?» И такие глаза блестят. Вот вы представляете, ей было 86 лет, 86 лет, и в это время, это 1966 год, в это время был чемпионат мира по футболу. Это единственный чемпионат, который я знаю, по футболу. И играли на «Уэмбли», в Англии, и она ночью слушала репортажи оттуда. И ночью мне кричит: «Ритка, вставай! Вставай! Да ты что, спишь? Ой, что делается! Ой, что делается!» Это у нее наушники были, Женька, брат, сделал. И вот она наушники эти, она ночью слушала в 86 лет репортажи из Англии. Всё, у нее интерес. Я прихожу на работу и говорю: «Домой ходила есть, бабушка сегодня ничего не готовила». «А чего, — говорят, — не приготовила?» А я говорю: «Так она, я пришла, а она говорит: “Ой, у меня дворники просидели”». И доктора наук к ней могли ходить, и дворники, со всеми одинаково всё. Редкостный человек была.

01:58:53

Вы поступаете на санитарный факультет?

Да, и начинаю учиться с радостью. Всё нравится. И учусь, и учусь, и кончаю.

01:59:02

Кем вы становитесь?

Врачом санитарным.

01:59:07

Куда идете работать?

В областную санэпидстанцию.

01:59:14

Сколько вы проработали?

Там? Да я не знаю, сколько, много, наверное. С 1962-го. А, в 1992-м я ушла. В 1993-м.

01:59:31

В этой специальности прожита вся жизнь?

Да.

01:59:35

Довольны? Не жизнью, профессией?

Ну, можно было лучше. А потом, когда я освоилась, почувствовала себя как рыба в воде, вот тогда мне хорошо стало. Я года четыре, наверное, осваивалась так, чтобы с ходу всё решать.

02:00:01

Мой последний вопрос здесь. Раз я разговариваю с врачом, эпидемиологом, да?

Нет, санитарным врачом.

02:00:13

Санитарным врачом. Какое-то отношение ваше к эпидемиологическому решению сегодняшнему? Верное? Мы как-то правильно выходим из этой эпидемии?

Когда первые принимались решения, я была с ними совершенно согласна. Я думаю, правильно делают. Я вообще считаю, что единственный путь, путь единственный прервать эту цепочку — это или изоляция, или прививка. Но так оставлять на самотек, оставлять такие массы людей и создавать условия, когда какие-то выступления, митинги, гулянки какие-то, — это прямой путь передачи. Я считаю, что ужесточать нужно. У нас ужесточилась сейчас Австралия, Англия. Ну и почему у нас-то нельзя? Что за свобода такая? Вон эти, возьмите, огородили город, окопали его — и всё.

02:01:25

Китайцы?

Китайцы.

02:01:30

С мамой наладились потом уже под конец жизни какой-то отношения?

Да, более-менее наладились отношения. Я к маме ездила каждый год, а то и два раза. Главный врач мне всегда, когда я летела в центр куда-то, он мне подписывал командировку через Уфу. То есть я обычно летала в пятницу, залетала в Уфу к маме на день-два и летала к ней каждый год на день рождения, 19 декабря. Приезжали, что я, что дочь, мы приезжали, мы им квартиру выбирали, всё делали. То есть я в последний момент уже под душ, оделась — и в такси.

02:02:20

Реабилитацией отца занималась мама или?..

Мама.

02:02:24

Мама занималась.

Я в то время, ну, как сказать... Ну это же был, так, 1954-й, 1956 год.

02:02:34

1956-й.

1956-й год. Ну мне 20 лет. Я еще дура была в этом отношении. Мама занималась этим полностью. Что-то там она получила за это, я не знаю, что-то она мне посылала. Ну и так вот. Что я хочу сказать, что под конец мама, когда жила, дед работал у нее, долго работал, а она, пенсия у нее была хорошая. Хорошая пенсия была, потому что ей вот за это всё за пережитое что-то добавили. И она... Она нам помогала. То есть она на дни рождения посылала, ну, прилично, я бы так сказала. Потом у меня каждое лето ездила туда Катя, дочь. И вот Катя тоже туда ездила. Что она делала? Она маме всю квартиру вымывала, вычищала, ну, потому что у мамы всё должно... Она ей помогала. А мама ее наряжала.

02:04:01

Катя же дочка ваша, правильно?

Да, да.

02:04:04

Мама ваша рассказывала Кате что-то про тюрьму?

Нет.

02:04:09

Вообще тоже ничего никогда?

Нет. Нет.

02:04:15

Были ли у нее подруги лагерницы, которые с ней поддерживали связь?

Так, значит, у нее была одна подруга. У нее муж, брат был... Брат был главный врач факультетских клиник. Ну, там же было в лагере, эти все люди, они же из разных концов России были. А вот эти две были из Иркутска. И вот они встречались. Я помню, мы ходили, я даже знаю дом, где они жили. Вот с ней она встречалась. А потом, когда она уехала в Уфу, там же, конечно, уже ничего. Там никого не было. Единственное, один раз к ней подошла женщина. А... Она в Уфу-то приехала, а во время войны в Уфу был командирован, ой, переведен, вернее, эвакуирован завод этот, 26-й. Авиационный завод, где папа работал. Его эвакуировали в Уфу. Ну, это совпадение такое. И мама, когда вот получила реабилитацию, всё, она пришла туда, и ей моментально дали комнату в квартире. Такая сталинка у нее была красивая, и там, значит, двухкомнатная, в одной комнате жили люди. Мужчина жил, который еще у папы работал. И мама там жила в этой комнате. То есть, она сразу же получила. А потом она уже поменяла квартиру, всё, и переехала в центр города. Ну, наверное, каким-то образом она с заводом с этим была первое время связана. А, к ней однажды подошла женщина и говорит: «Вы знаете, вы когда уехали...» Ну, это всё. Ну, она что-то взяла, потому что часть вещей она переслала в Иркутск. Там у нее игрушки были. И она говорит: «Я взяла у вас сахарницу. Я вам хочу ее вернуть». И принесла маме сахарницу, она у меня до сих пор стоит. Я ее не трогаю.

02:06:47

Волшебные такие вещи у вас.

А?

02:06:49

Волшебные, говорю, вещи у вас. Медведь вернулся и не уходил.

Медведь — это...

02:06:56

Медведь не уходил и сахарница [вернулась]

...сверху что-то... Медведь — это что-то удивительное, конечно. Ну как он может?.. Ну, знаете, столько игрушек было, столько всего, да? И всё же это, даже вот дочерины игрушки, вот где такая игрушка была? Где такие были хорошие? Мне привозили однажды из Чехословакии. Ничего же не... Но медведь никуда не девается. Никуда. Наверное, что-то сверху.

02:07:27

И таки последний у меня сегодня вопрос. Вот вы сами, как Маргарита Евгеньевна,

семью которой коснулся такой... Взаимоотношения со страной были несправедливы. Как вы считаете, страна решила проблему вот этих 1930-х годов? Она как-то вышла из системы государство и человек? Она разобралась со своим вот этим прошлым или нет, эта проблема еще не решена?

Мне кажется, эта проблема не решена. Вы знаете, я не знаю, я иногда думаю вот о чем. Как-то там то ли Чубайс выступал, то ли кто. Сидела, была аудитория, и вот эта аудитория вся кричала: «На нары, на нары, на нары!» А мне кажется, что эти нары в голове сидят у людей. Почему людей нужно на нары-то садить? Нужно, наверное, что-то другое, какие-то другие методы, кого-то можно посадить, но вот так вот сразу же кричать о каждом человеке «на нары» — и всё... Может, я не права, но мне кажется так, что это забили голову, и всё. Кстати, у меня вот приятелей много, у меня есть приятельница, с которой мы дружим с 1959 года. Мы с ней на совершенно противоположных позициях стоим. Она говорит: «То, что ты говоришь, это всех надо на нары». Она убеждена в этом, что был бы Сталин, сейчас бы всех на нары. Я говорю: «А ты не думаешь, что у тебя зять директор авиакомпании и он бы тоже не нары полетел? А не миллионы получал». — «Нет. Всех на нары надо». И у них, между прочим, вот мы с ней, сколько лет, значит, 60 лет почти вместе, да? Они приехали в Иркутск, мы в первые же дни подружились, с ней встретились. И ведь она же, вот у нее компания, там ее подружки, они все твердо убеждены, что нужно на нары людей садить. А за что уж там, это я не знаю.

02:10:02

Если бы вы, беря документ, просто смогли как-то прокомментировать его, было бы здорово. Нам этого достаточно, а потом...

И вы можете, необязательно сюда, на камеру, ну, сами смотрите на фотографии, на документы.

02:10:20

Я вам могу сказать, что вот это вот три письма, которые были посланы моим дедом моей маме, мне тяжело говорить «в лагерь». Но «место заключения» тоже тяжело. На них вот стоит печать: по-видимому, их цензура проверяла. Вот здесь вот это третье письмо, тут, значит, мои каракули детские. Даты здесь нет, на этих письмах, «письмо проверено». Вот эти три письма, которые мама получила в этих местах, отдаленных или не отдаленных, и она их сохранила там и привезла назад, и они вот так вот остались у меня. Сохранятся, я сделала папку, у меня все документы рассортированы там, лежат. Вот это вот справка о реабилитации моего отца. Вот это справка управления внутренних дел, маме отвечают об ее аресте и обо всём. Это тоже справка о маминой... Так это какой [год]? 1945 год, это мама из этого, когда ее выпустили и пустили домой, она уехала в Иркутск. Это справка с 1990 года, что ли? Мамина справка. Ее [нрзб]. Это фотографии. Фотографии отдельно показать?

02:12:22

Да, можно.

Вот эта вот фотография — я, мама и папа.

02:12:34

Вы сказали, что это единственная фотография, где вы все вместе?

Ну да. А вместе-то мы еще с этим товарищем встречали. День рождения мой.

02:12:44

И нет фотографий этих?

Ну, тех-то нет, конечно.

02:12:47

Понятно.

Вот это мой папа отдельно, мой отец. А вот это его жена, мама моя. Разница у них пять лет в возрасте. Мама младше его на пять лет. Вот это вот моя бабушка, мать моего отца, Надежда Радионовна. Казачка. У нее такие фотографии обалденные! Какие у нее фотографии! Я вот думаю, теперь: у нее такие были платья, куда она их дела? Почему я их не видела? А это я, это еще в Рыбинске. А вот это медвежонок, которого подарил мне мой папа, где-то случайно купил, подарил мне на день рождения. Ему, значит, 84 года исполнилось. В травмах и весь вытерся, но 84 года он никуда от меня не девается, куда я, туда он. Вот такой вот.

02:14:07

У него есть имя?

Нет, мишка. Так вот: мишка, мишка, мишка, мишка. Но каким образом? Вот в 1950 году мама забрала меня к тетке в Москву, увезла. Мишка со мной был. Потом переехали в Иркутск, потом в Уфу, потом из Уфы сюда опять. Как этот Мишка со мной ездит, я не знаю, это удивительная вещь. Поэтому я считаю, что есть силы сверху. А вы не считаете?

02:14:38

Ну, я же человек художественной области. Я же эзотерик.

Дело в том, что я вот занимаюсь родословной, у меня такие вещи бывают, что я просто удивляюсь. Я считаю, что это только сверху может быть. Ну неожиданные такие вещи. Понимаете?

02:15:02

Справедливые.

Это вообще удивительно. Ну как это происходит, я не знаю. Я вот начинала заниматься... Можно рассказать? Я начинала заниматься родословной. Пришла в иркутский архив. Кроме хамства, ничего там не получила. Я говорю: «Ну скажите хоть, как начать? Откуда тянуть-то?» — «Надо вам — заказывайте». — «Что я заказывать должна? Вы мне объясните, что такое фонды, где мне посмотреть». Ну, ничего. Это сейчас я, когда люди приходят, я им всё стараюсь объяснить. Иду по улице, по Карла Маркса, идет компания — и среди них Поляковы, две сестры, которых я вам рекомендовала. Я их не видела лет сорок, может быть. Ну действительно, лет сорок, не меньше Идем. Они идут, я иду. Я говорю: «Вы куда идете?» Я думаю: чего это их человек пять идет? Я говорю: «А вы куда идете?» — «Да мы тут в одно место, тебе не интересно будет». Они идут, я иду. Ну, понимаете, я понимаю, что я нагло иду с людьми, которые... И мы приходим куда? На «Родословие» на наше, в библиотеке было тогда, в другой. Ну я пришла туда, я послушала, я поняла, что я наконец-то попала туда, куда мне надо, где мне... Что это такое?

02:16:42

Судьба.